

Касимов Е.В.

Кандидат исторических наук, ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева»

ЗНАЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СВОДОК ОГПУ ДЛЯ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ ЧУВАШИИ ПЕРИОДА НЭПА

В последние годы, в связи с начавшимся во второй половине 1980-х годов переосмыслением истории советского общества и открытием ранее секретных фондов, отечественная историческая наука обогатилась уникальными сборниками документов, содержащими материал, относившийся ранее к разряду самых секретных. Речь идет об информационных сводках, представлявшихся спецорганами (ВЧК–ОГПУ–НКВД) узкому кругу лиц высшего государственного и партийного руководства и содержащих сведения о положении и настроениях населения, о политических событиях и движениях в городе и деревне: «ВЧК уполномочен сообщить... 1918 г.» (М., 2004); «ВЧК–ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы. По материалам информационных сводок ВЧК–ОГПУ» (Сыктывкар, 1995); «Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936» (М., 2003); «Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940 гг.» (Петрозаводск, 1997); «Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг.» (Петрозаводск, 2000); 15-томное издание «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг.» (М., 2001–2008); 4-томное издание «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939. Документы и материалы» (М., 2000–2005); 4-томное издание «Спецпереселенцы в Западной Сибири. Сб. документов» (Новосибирск, 1992–1996). Использование документов спецслужб важно тем, что они позволяют развенчать множество историографических мифов, созданных в советское время. Информационные возможности данного вида источника проиллюстрируем на основе материалов Чувашского отдела ОГПУ периода новой экономической

политики, сохранившихся в фондах Государственного архива современной истории Чувашской Республики.

На протяжении большей части 1920-х годов составлялась единая государственная информационная сводка Чувашского отдела ОГПУ о политическом (политэкономическом) состоянии Чувашской автономной области (с 1925 г. – Чувашской АССР). Целью составления двухнедельных сводок было информирование власти по интересующим ее вопросам, о чем давались специальные указания. Все представленные сведения должны были быть конкретными и обособленными [1, с. 2–4]. Поскольку экономика Чувашии в 1920-е годы носила ярко выраженный аграрный характер, ведущее место в информационных материалах Чувашского отдела ОГПУ занимали настроения крестьянства и вопросы проведения различных сельскохозяйственных кампаний.

Стремление центральной власти знать обо всем, все держать под своим наблюдением, привело во второй половине 1920-х годов к дроблению информационной сводки на спецсводки по конкретным проблемам, считавшимся актуальными в данный момент. С 1927 г. в республике составлялись спецсводки о состоянии низовой кооперации, о ходе кампаний по перевыборам Советов, по учету объектов налогового обложения. Хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. вызвал появление регулярных сводок о хлебозаготовительной кампании. В 1928–1929 гг. количество спецсводок увеличилось многократно, превысив два десятка. Предметами спецсводок в это время являлись «ненормальные явления» в советском аппарате, антисоветские выступления, «выдающиеся преступления», землеустроительные работы, весенняя посевная кампания, сельхозналоговая кампания, продовольственные затруднения, колхозное строительство, сельская интеллигенция и др. Содержание таких спецсводок насыщено и конкретным материалом, и обобщенными данными.

Из всего многообразия проблем, нашедших отражение в сводках Чувашского отдела ОГПУ, остановимся лишь на некоторых аспектах жизни населения автономии, предвзято освещавшихся в исторической литературе и легших в основу историографических мифов. Например, в 1920-е годы много говорилось о так называемой «смычке города и деревни». В дальнейшем этот тезис получил широкое распространение и в научной литературе. Между тем, ситуация была прямо противоположной, и на деле существовал сильный антагонизм между крестьянами, с одной стороны, и рабочими и служащими, с другой. Крестьяне говорили: «советская власть жалеет и любит только рабочих... а крестьян совершенно забывает», «рабочим живется лучше, им много жалованья платят, они хорошо кушают и одеваются, а с нас последние гроши дерут» [2, с. 9–10; 7, с. 36]. Особенно такие настроения усилились после издания манифеста ЦИК СССР к 10-й годовщине Октябрьской революции, провозгласившего переход на 7-часовой рабочий день. Наличие неприятия рабочих и служащих со стороны крестьянства во многом было связано с существовавшими в 1920-е гг. «ножницами цен», поскольку дороговизну промышленных товаров крестьяне склонны были объяснять высокой зарплатой рабочих и служащих [3, с. 66].

Материалы сводок Чувашского отдела ОГПУ позволяют пересмотреть взгляд на хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. как на «кулацкую стачку». Фактически в них представлена вся палитра причин, породивших кризис: несоответствие низких заготовительных цен на хлеб высокой рыночной стоимости зерна; отсутствие у

крестьянства достаточных стимулов к продаже хлеба, прежде всего из-за неимения необходимых промышленных товаров в кооперативной торговле; стремление населения приберечь хлеб в связи с распространившимися слухами о скорой войне Советского Союза с капиталистическими державами или Китаем; несвоевременное развертывание хлебозаготовительного аппарата; близость потребляющей Нижегородской губернии, где директивные цены на рожь были значительно выше; наличие потребляющих районов в самой Чувашской АССР. Ярко показано и развертывание «чрезвычайных мер» в деревне с повальными облагами на рынках, нажимом на сбор единого сельскохозяйственного налога, страховых платежей и семенной ссуды, навязыванием займов, вынесение решений о самообложении [4, с. 129–178].

Выдача семенных ссуд представлялась как всемерная забота государства о земледельцах. Но условия выдачи ссуд были таковы, что, однажды взяв их, крестьяне зарекались брать семена у государства во второй раз: «лучше идти с поклоном к кулаку, чем к советской власти, ибо эта кабала хуже кулацкой». И это были не единичные высказывания, буря возмущения буквально охватила чувашскую деревню, когда селяне узнали о размерах причитавшихся с них платежей по ссудам. Доведенные до отчаяния, отдельные крестьяне говорили, что «лучше бы война началась, тогда бы перестали собирать семенную ссуду» [7, с. 36].

Классовая политика советского правительства, нацеленная на поддержку бедноты, вызывала недовольство далеко не только зажиточных крестьян и кулачества. По сводкам отчетливо прослеживается нарастание антибедняцких настроений со стороны середняцких слоев деревни. Если до середины 1920-х годов встречаются лишь единичные высказывания середняков в отношении иждивенчества бедноты, то в связи с реформами налогообложения 1926 г. и 1928 г. и изданием Манифеста ЦИК СССР к 10-й годовщине Октябрьской революции, недовольство приобрело массовый характер. Сводки наполнены искренним возмущением середняков: «Почему это власть ненавидит более или менее самостоятельного крестьянина, неужели нужно быть всем неимущими, тогда, может быть, власть нам самим будет давать», «Это возмутительно, по мнению правительства выходит, что должна жить только беднота, а середняки, мол, обойдутся и без помощи», «Беднякам дают разные льготы и преимущества, а они только пьянствуют и лодырничают, а власть проезжается на середняке» [8, с. 450–456].

Более того, и в бедняцких слоях деревни были сильны антисоветские настроения. Лейтмотивом их служили слова: все льготы на словах, а на деле ничего нет. Например, ярко недовольство проявлялось по отношению к кооперативной торговле. Несмотря на то, что с середины 1920-х годов доступ кулаков в кооперативы ограничивался и существовали особые фонды кооперирования бедноты, беднейшие слои деревни были твердо уверены: «кооперативы не для бедных, а для богатых» [5, с. 35]. К тому же, начиная с 1928 г., во время хлебозаготовок кооперативы отпускали дефицитные промышленные товары только в обмен на хлеб, которого у бедноты не было. В сводках приводятся факты, когда крестьяне покупали хлеб по рыночным ценам и сдавали его в кооперативы в обмен на необходимые им промтовары по заготовительным ценам, иногда в несколько раз дешевле [9, с. 368]. Негативные настроения беднейшего крестьянства усугублялись некоторым свертыванием

свободной торговли, что было следствием использования административных мер в ходе хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. «Хлеба для продажи нет, вступать в члены кооператива не в состоянии, а одежда изнашивается столько же, сколько и у членов, как тут быть», – спрашивали крестьяне-бедняки, толпясь в базарные дни перед кооперативными лавками и упрашивая продать что-нибудь [9, с. 370–371]. Недовольно было беднячество и снабжением лесоматериалом. Часто отказываясь от выделяемого леса из-за слишком дальнего расстояния от родного селения, бедняки выражали мнение, что «лес отпускается не для помощи, а лишь для показа» [9, с. 411].

Не все благополучно обстояло и с так называемой «дружбой народов». В информационных сводках Чувашского отдела ОГПУ содержатся сведения о том, что среди русского населения Алатырского и Ядринского районов и татар Батыревского района ухудшение экономического положения населения часто приводило к возникновению отрицательного отношения к местному правительству и желанию войти в состав Татарской АССР, Нижегородской или Ульяновской губернии: «чуваши взяли власть в свои руки, а улучшить положение в республике не могут», «везде чуваши, а русские хоть с голоду подыхай», «находясь в пределах Чувашской Республики, наше положение никогда не может улучшиться, ибо в Чувашской Республике, кроме мочала, ничего не имеется, поэтому мы сидим и будем сидеть голодными» [6, с. 167; 8, с. 46]. Правда, необходимо заметить, что среди чувашей, проживавших в пограничных районах Ульяновской губернии и Татарской АССР, существовало аналогичное стремление войти в состав Чувашской АССР.

Приведенные примеры показывают, что информационные сводки спецслужб содержат богатый и ценный фактический материал, помогающий воссоздать объективную картину истории советского общества.

Источники

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П–1. Оп. 2. Д. 32.
2. ГАСИ ЧР. Ф. П–1. Оп. 5. Д. 23.
3. ГАСИ ЧР. Ф. П–1. Оп. 5. Д. 25.
4. ГАСИ ЧР. Ф. П–1. Оп. 5. Д. 51.
5. ГАСИ ЧР. Ф. П–1. Оп. 6. Д. 35.
6. ГАСИ ЧР. Ф. П–1. Оп. 7. Д. 34.
7. ГАСИ ЧР. Ф. П–1. Оп. 8. Д. 47.
8. ГАСИ ЧР. Ф. П–1. Оп. 8. Д. 51.
9. ГАСИ ЧР. Ф. П–1. Оп. 9. Д. 50.